

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

А. Л. МОНГАЙТ

Об обширном научном наследстве, полученном советскими археологами от своих предшественников, принято говорить, что оно состояло преимущественно из добытого раскопками и хранящегося в музеях вещевого материала, теоретически неосмысленного, целиком еще нуждающегося в исследовании. Если бы в самом деле было так, это в известной мере упрощало бы начало деятельности советских археологов, так как наука создавалась бы вновь и не нужно было бы преодолевать традиции буржуазного периода ее развития. Но не следует преуменьшать ни заслуги, ни недостатки деятельности наших предшественников. Наследие заключалось не только в горе материалов, но и в комплексе взглядов и методов исследования, сложившихся в русской археологии почти за столетний период ее развития до 1917 г.

Важнейшим недостатком дореволюционной русской археологии в целом было то, что она еще не осознала себя как часть исторической науки. Отсутствие историзма в подходе к археологическим материалам привело к тому, что большинство работ было посвящено публикациям раскопок, описанию и классификации вещей.

Но наряду с отсутствием историзма у археологов и методологической слабостью значительной части их работ в России существовала археология, не уступающая по уровню своего развития наиболее передовым течениям западноевропейской науки. Д. Я. Самоквасов, впервые попытавшийся классифицировать древнерусские городища не по их форме, а по социально-экономическому признаку, А. А. Спицын, сделавший из картографирования археологических данных выводы о расселении древнерусских племен, В. В. Хвойка, пытавшийся дать, основываясь на материалах раскопок, историческую картину жизни обитателей среднего Приднепровья, Б. В. Фармаковский, в своих исследованиях пришедший к важным историко-культурным выводам, — все они ярко представляют историческое направление в русской археологии, вершиной которого стали блестящие работы М. И. Ростовцева. Были в русской археологии и последователи французских эволюционистов с ярко выраженным биологизмом во взглядах, например Ф. К. Волков (Вовк). Было и вещеведческое направление, отнюдь не «барское вещелюбование», а научное направление исследования археологических данных, которое важное значение придает вещи как историческому источнику.

К моменту революции важнейшими научными и организационными центрами археологии являлись: правительственный орган по руководству археологией — Императорская археологическая комиссия и археологические общества в Москве и в Петербурге.

В 1919 г. на основе Археологической комиссии и археологического общества была образована Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, позже переименованная в Государственную акаде-

мию истории материальной культуры ГАИМК). РАИМК была преемником вошедших в ее состав учреждений во всех отношениях, она наследовала и материалы, и права, и обязанности, и кадры, и традиции. Тот факт, что в разгар гражданской войны, когда молодое Советское государство боролось за свое существование, была проявлена забота о такой, казалось бы, далекой от насущных потребностей того времени области знания, как археология, а декрет о создании РАИМК подписал В. И. Ленин, сам по себе многозначителен. Ясно было, что новое научное учреждение призвано служить интересам нового общества.

Период становления марксистской исторической науки в СССР характеризовался острой борьбой марксистской концепции, развивавшейся в работах Ленина и его сторонников задолго до революции, с буржуазной идеологией. Не так было в области археологии. Даже после создания РАИМК на протяжении целого десятилетия традиции Археологической комиссии оказывали огромное влияние на деятельность ученых. Специфика археологических исследований, в которых значительное место занимает источниковедческий материал: возможность ограничиться публикацией результатов раскопок и отдельных памятников в известной степени приводила к тому, что социологическая и историческая интерпретация этого материала не сразу стала обязательным элементом исследований, что в свою очередь делало малозаметным сохранение традиционных для буржуазной археологии методов и взглядов. Марксистская концепция в области археологии не начала складываться в дореволюционный период, и ее возникновение подготавливалось развитием этой области исторической науки в первые годы существования советской археологии.

В чем же выражались те элементы нового, которые, хотя и не создали в этот период коренного перелома в научной работе археологов, но все же были внесены эпохой?

Прежде всего по своей структуре и штатам РАИМК резко отличалась от Археологической комиссии. РАИМК на шестом году своего существования объединяла 400 человек, в том числе крупнейших ученых страны. В ее составе было три отделения: этнологическое, археологическое и художественно-историческое с несколькими разрядами, а также Московская секция, Институт исторической технологии и пять вспомогательных учреждений. Академия была задумана своими основателями как такое научное учреждение, задачей которого должно быть исследование материальной культуры во всех ее видах и формах, с привлечением всех видов источников: вещественных и письменных, данных этнографии, фольклора и лингвистики.

Практическая научная деятельность этого широко задуманного учреждения долго не оправдывала всех возлагавшихся на него надежд. Значительная часть входивших в его штаты ученых числилась лишь номинально. Научная продукция была минимальной, и археологическая тематика занимала далеко не первое место среди других тем. Наибольшее внимание уделялось истории искусства.

Однако нельзя забывать, что в эти годы в РАИМК и других научных учреждениях шла такая важная работа, как охрана и изучение памятников археологии и искусства, проведение экспедиций, разработка методики раскопок и лабораторных исследований.

Научная охрана археологических и художественно-исторических памятников, их реставрация, подготовка целой школы архитекторов-археологов, а также специалистов художников-копировщиков была важной областью деятельности археологических учреждений, реставрационных мастерских и музеев нашей страны, начиная с первых лет Советской власти. Изучение памятников древнего зодчества, их фиксация, обмеры, восстановление первоначального облика, расчистка, укрепление и копирование настенных росписей и мозаик имели огром-

ное значение не только для целей реставрации, но и потому, что в результате этих работ был накоплен ценнейший научный материал.

В труднейших условиях 1920—1921 гг. кажется почти невероятной возможность вести полевые археологические работы, и все же даже в эти годы список экспедиций одной лишь РАИМК насчитывает их свыше 20 (от долины Ангары и Казахстана до Москвы и от Крыма до Свири). В первое десятилетие советской археологии работали экспедиции в Ольвии, в Прикамье и Приуралье, в Поволжье, в центре Европейской части СССР, в Сибири, на Нижнем Дону и Северном Кавказе и др. Уже в эти годы выработывалась более точная и совершенная методика раскопок, чем в предшествующее время. Дореволюционная русская археология могла гордиться в области полевой методики лишь работами отдельных ученых, например Б. В. Фармаковского, планомерно и осторожно исследовавшего Ольвию. Многие раскопки не отличались ни тщательностью фиксации, ни соблюдением необходимых технических норм, а часто носили попросту кладоискательский характер, когда археолог ставил задачей не историческое исследование памятника, а лишь добычу ценных древних вещей.

В советское время в связи с историческими задачами, ставившимися археологами, изменился самый объект исследований — все большее внимание стали привлекать места поселений. Необходимо было улучшить методику их разведок. В этом деле несомненны заслуги А. А. Миллера, разработавшего совершенную методику разведочных археологических исследований, позволявшую в короткий срок обследовать большое количество объектов. П. П. Ефименко и Г. А. Бонч-Осмоловский усовершенствовали применение стратиграфического метода на раскопках палеолитических памятников. Одним из самых важных изменений в методике раскопок в советское время был переход к раскопкам большими площадями, позволяющими изучить жилища и хозяйственные комплексы, получить наиболее полную картину жизни общества.

Новым явлением в развитии археологии был переход к комплексным исследованиям, участие в экспедициях разных специалистов: антропологов, этнографов, геологов. К 1925—1926 гг. относится возникновение таких экспедиций, обследовавших Поволжье, Воронежскую и Ленинградскую губернии, руководимых Б. С. Жуковым и П. П. Ефименко, Северокавказской экспедиции под руководством А. А. Миллера и др. Широкая разведка, раскопки важнейших объектов в соединении с этнографическими исследованиями давали основу для исторической картины жизни населения обширных областей. Сама экспедиционная деятельность такого типа вносила элемент историзма в археологию.

В организации комплексных исследований и развитии их методики видная роль принадлежала Б. С. Жукову, который последовательно продолжал в археологии традиции школы Д. Н. Анучина с характерным для нее умелым использованием данных различных наук — антропологии, археологии, этнографии и др. Широта изучения памятников в поле, стремление собрать материал, всесторонне освещающий изучаемый объект, сочетались в его работах с тонкими и точными приемами камеральной обработки археологического материала, в особенности массовых находок — таких, как, например, керамика. В области интерпретации археологических данных Б. С. Жуков твердо придерживался взгляда, что за культурами, как их носители, скрываются народности.

Из археологов старшего поколения, кроме В. А. Городцова, о котором речь будет впереди, следует особо отметить деятельность А. А. Спицына. Он проделал огромную работу по систематизации и хронологизации археологических источников. Это имело особенно большое значение, если учесть, что работы некоторой части русских археологов отличались несистематичностью и дилетантизмом.

Несомненно важным новым явлением в советской археологии было возникновение в 1919 г. Института археологической технологии РАИМК. Естественные науки играют большую роль в археологических исследованиях. Их значение стало все больше осознаваться по мере того, как археологи стали интересоваться историей и технологией древнего производства, вопросами развития производительных сил и экономикой древних обществ. Не только формальное изучение вещей, а попытка проникнуть в творческий процесс древних создателей материальных ценностей было тем новым в археологических работах, что требовало помощи представителей естественных наук. Одним из создателей института археологической технологии был известный минералог А. Е. Ферсман. Видную роль в руководстве институтом играл Б. В. Фармаковский. Институт этот имел отделы (разряды) по характеру работ и объектов исследования: камня, керамики и стекла, технологии красок и живописной техники, металла и органических остатков¹. Институт много сделал для изучения вопросов археологии методами естественных наук и внедрения этой техники и методики в работу археологов.

Наконец, новым явлением, оказывавшим влияние на развитие археологии, было широкое краеведческое движение, особенно усилившееся с 1922 г. (создание Центрального бюро краеведения). Интерес к древностям и археологии проявился в русской провинции еще в досоветское время, но главным образом в среде местной интеллигенции, а также дворянства и духовенства, активно участвовавших в работе ученых архивных комиссий. Краеведческое движение в советское время охватывает широкие слои населения. Его центрами в то время были не только краеведческие общества (в них состояло около 150 тыс. человек), но и провинциальные музеи, в большинстве случаев превращенные в краеведческие (в 1927 г. только в РСФСР насчитывался 291 краеведческий музей). Естественно, что в годы восстановительного периода в поисках новых источников для развития народного хозяйства главное внимание краеведы обращали на изучение местных природных ресурсов, но очень много услуг было оказано и археологии. Охрана археологических памятников, открытие и регистрация новых, популяризация их — все это не может делаться силами одних археологов-профессионалов, для этого необходимо участие народных масс. Но и в чисто научной области краеведческие общества, научно-исследовательские институты краеведения, а также провинциальные университеты и педагогические институты, публиковавшие в своих ученых трудах и записках материалы по археологии, помогли сделать много интересных наблюдений и археологических открытий. К сожалению, в 1929—1930 гг. краеведческие общества были ликвидированы.

Таким образом, в развитии археологии в первое десятилетие Советской власти было много нового и интересного. Почему же в общем довольно пессимистически оценивали это десятилетие археологи в 30-е годы и мы в какой-то мере можем присоединиться к этой оценке?

Археологии принадлежит важное место в ряду исторических наук. Применение в археологии метода исторического материализма открывает перед нею огромные возможности реконструкции прошлого. Вот эти-то возможности длительное время оставались нереализованными советскими археологами. В то время как марксистская методика все больше проникала в другие общественные науки и вызывала их коренную перестройку, археология долго оставалась в стороне от этого движения.

Правда, изменение системы археологического образования, проведенное еще в 1922 г. (открытие в Московском и Ленинградском университетах археологических отделений), само по себе содействовало фор-

¹ См. «Известия Института археологической технологии», вып. I, Пг., 1922, вып. II, Л., 1924.

мированию нового научного мировоззрения тех кадров, которым в дальнейшем принадлежала решающая роль в развитии советской археологии. В этом отношении очень показательна деятельность социологической секции (позже секции теории и методологии) Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН, где работала и проходила аспирантуру группа воспитанников Московского университета. В социологической секции РАНИОН был создан ряд ценных теоретических работ — таких, как работа А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий»², А. Я. Брюсова «Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа», С. В. Киселева «Поселение», А. П. Смирнова «Социально-экономической строй восточных финнов IX—XIII вв. н. э.»³ и др. Однако, по характеристике руководителя секции В. М. Фриче, эти работы носили, с известной точки зрения, случайный характер: они не были связаны между собой единым общим планом и, конечно, еще не содержали той суммы взглядов, которая могла составить теоретические основы советской археологии.

Группа археологов из РАНИОН первая попыталась подвергнуть широкому обсуждению вопрос о применении марксистского метода в археологии. Московские археологи считали, что археология «есть по существу и методом марксистская наука» (А. Я. Брюсов), так как «изучает орудия производства диалектически — в процессе изменения» (А. В. Арциховский). Они полагали, что археология — наука самостоятельная, обладающая достаточным материалом для социологических построений. В 1929 г. московские археологи выступили в обществе историков-марксистов в защиту так называемого «метода восхождения», иными словами метода реконструкции социально-экономических формаций на основе археологического материала⁴. Это были поиски новых путей в археологии, может быть, во многих деталях ошибочные (так, например, отрицалась роль этнографии в исторических реконструкциях), но верные в своей основе. Это была попытка сохранить приемлемую часть научного наследства и развивать его на основе новой методологии. Однако это выступление было в значительной мере чисто декларативным, за ним не стояла продуманная система новых методов и приемов исследования.

Дискуссии о путях и судьбах археологии происходили во многих научных учреждениях. Возникли они и в коллективе ГАИМК, где большое внимание уделялось анализу надстроечных явлений как основы исторических реконструкций. Однако внутренние сдвиги, происходившие в развитии археологии и в значительной мере связанные с приходом новых, молодых сил, еще не сказались в работе научных учреждений, не вызвали их коренной перестройки. Это произошло уже в условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту. Наступление молодых археологов началось с острой атаки на буржуазную археологию (как отечественную, так и, главным образом, зарубежную) вообще и на своих учителей из старшего поколения археологов в частности, но уже очень скоро в пылу споров были подвергнуты сомнению все старые основы археологии и даже право на существование такой науки.

Значительную роль в борьбе с буржуазной наукой сыграла книга одного из ведущих молодых археологов В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры», изданная в 1930 г.⁵

² «Труды социологической секции», I, М., 1927, стр. 123—125.

³ «Труды секции теории и методологии (социологической)», II, М., 1928, стр. 9—89.

⁴ См. доклад А. В. Арциховского «Новые методы археологии» и прения по докладу в журн. «Историк-марксист», т. 14, 1929, стр. 136—155.

⁵ «Известия ГАИМК», т. VII, вып. III—IV, Л., 1930. Наряду с важными и правильными выводами, книга эта содержала и ряд ошибочных заключений и грубых выводов в адрес отдельных ученых.

Критике со стороны советских археологов подвергся прежде всего один из основных методов старой археологии — типологический. Типологический метод служит важным средством классификации вещей и установления их хронологии. Если рассматривать его как вспомогательный, ограниченный в своих задачах, то без него не может обойтись ни один археолог. Но буржуазные ученые иногда считали типологию всеобъемлющим методом и конечной целью археологического исследования. Они рассматривали вещи в саморазвитии, отрывая их от истории общества, их создавшего. Некоторые археологи-эволюционисты полагали, что вещи развиваются по тем же законам, что и животные организмы. Типологический метод в таком его понимании противоречил материалистическому взгляду на историю, он переносил законы развития природы на законы развития общества, и естественно, что археологи-марксисты подвергли резкой критике взгляды его сторонников. Взамен типологического метода советские археологи предложили комплексный, предполагающий социологическое изучение вещей в совокупности с другими существующими в данном обществе вещами, в соотношении со всеми условиями их нахождения, со всеми данными природной и социальной среды. Видным сторонником типологического метода в России был крупнейший советский археолог В. А. Городцов, научная деятельность которого началась еще в XIX в. Он не только пропагандировал типологический метод, но и пытался теоретически обосновать его⁶. Эта попытка была неудачной; запутанные и неточные формулировки В. А. Городцова подверглись справедливой критике. Однако в поисках Городцова были элементы, сближавшие его взгляды с историческим материализмом: это особое внимание к орудиям труда и попытки классифицировать их по техническим приемам их изготовления, это стремление найти законы развития вещей в сфере производственных отношений. Вместо того чтобы поддержать то рациональное, что было во взглядах Городцова, и товарищеской критикой помочь этому исследователю старшего поколения приблизиться к марксизму, его зачислили в разряд враждебных по идеологии буржуазных ученых. Вскоре появился даже термин «городцовщина», который разъяснялся как «буржуазное вещеведение». Критика ошибок типологической школы, важная и необходимая для развития марксистской археологии, неожиданно превратилась в отрицание самого типологического метода, даже как вспомогательного. Типологические исследования почти прекратились на несколько лет, и это причинило вред археологии, так как подорвало ее источниковедческую базу.

Другая важная концепция буржуазной археологии, подвергшаяся критике в 30-е годы, — это концепция палеоэтнологическая, учение об этнической интерпретации археологических культур. Археологическая культура — это группа памятников, объединенных одним временем, общей территорией и общими характерными чертами. В каждом отдельном случае возникает вопрос о том, что является причиной такого единства — одинаковые географические условия, или исторически сложившиеся хозяйственные и культурные достижения, или единство происхождения. Одно из решений вопроса заключается в том, что за археологическими культурами скрываются древние племена и народы. К сожалению, некоторые зарубежные реакционные ученые извратили эту идею и утверждали, что особенности каждой археологической культуры и ее исторические судьбы определяются расово-этнологическими особенностями народа, носителя данной культуры. Они пытались представить современные этнические группировки как извечно существовавшие категории биологического порядка. При помощи фальсифицированной архео-

⁶ В. А. Городцов. Типологический метод в археологии, Рязань, 1927.

логии некоторые немецкие ученые «доказывали» превосходство северной, арийской расы, которая якобы являлась носителем и распространителем высшей культуры. Против этих взглядов выступили многие европейские археологи. Естественно, что не могли оставаться в стороне археологи-марксисты, советские ученые, придерживающиеся принципов интернационализма, враждебные всяким проявлениям шовинизма и расизма. Однако многие из них выступили не только против реакционных сторон учения об археологической культуре, но и против самой возможности этнической интерпретации археологических культур. Они считали, что культура связана только с социально-экономическим развитием общества, обусловленным развитием его производительных сил. Это утверждение казалось настолько соответствующим марксистским понятиям, что его даже не пытались доказывать, принимая как аксиому. Закрывали глаза на тот факт, что у разных народов, находящихся на одном уровне социально-экономического развития, культуры все же разные. Считали, что отыскивание ныне существующих народностей в отдаленном прошлом никак не мирится с диалектикой, что «старые представления о специфических культурах, свойственных тем или иным народностям, ...должны быть сданы в архив истории науки»⁷. Самое выделение археологических культур было объявлено антинаучным методом буржуазной археологии⁸. «Оказывается, есть вещи „национального“, а не классового происхождения» (славянские, финские, тюркские), — возмущенно восклицал М. Г. Худяков, увидев соответствующие надписи в новой экспозиции Исторического музея⁹.

Наконец, третья важнейшая концепция буржуазной археологии, подвергшаяся критике, — это метод сравнительного культурно-исторического анализа вещей и вопрос о миграциях и заимствованиях. Когда мы имеем дело с одинаковыми или сходными явлениями в истории культуры у разных народов на разных территориях, то ставится вопрос о том, почему они возникли. Одни ученые считают, что все крупные явления в истории культуры, открытия и изобретения были сделаны однажды и затем распространились в мире путем прямого заимствования, путем диффузии через другие общества и культуры или путем миграции того народа, который сделал это открытие. В представлении некоторой части ученых-миграционистов этот путь стал если не единственным, то важнейшим путем распространения культурных явлений. Таким образом, внешнее влияние с их точки зрения становилось важнейшим фактором исторического прогресса, внутреннее развитие отодвигалось на задний план. Расисты пошли дальше в извращении теории миграций и стали утверждать, что культурный прогресс зависит от миграции народов — носителей высшей культуры, которые путем переселений и завоеваний распространяют в мире свою культуру. Другие ученые, и прежде всего археологи-марксисты, утверждают, что одно и то же открытие может быть сделано в разных обществах, достигших определенного уровня социально-экономического развития. Таким образом, борьба против теории миграций и заимствований была важным участком борьбы против буржуазных концепций в археологии. Однако и здесь увлечение критикой недостатков концепции привело к отрицанию самих ее основ и даже к отрицанию совершенно очевидных исторических фактов. Стали отрицать не только значение миграций для исторического процесса, но и само наличие такого явления в истории, стали отрицать не только преувеличенное значение заимствований, но даже метод сравнительного культурно-исторического анализа. Что же могли предложить советские археологи взамен отрицаемых ими мето-

⁷ В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 81.

⁸ «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7/8, стр. 29.

⁹ «Сообщения ГАИМК», 1931, № 9/10, стр. 72.

дов и концепций? В отрицании буржуазной науки, конечно, решающую роль играли положения марксистской философии, но как их конкретно приложить к явлениям и фактам, изучаемым археологией? Здесь на помощь пришло учение Н. Я. Марра, которое в то время считали материалистическим и марксистским.

Н. Я. Марр — выдающийся ученый лингвист-кавказовед в молодости выступал и как археолог: он произвел обширные раскопки древней столицы Армении — Ани, исследовал древние урартские памятники в районе озера Ван, вел раскопки в Гарни и Ворнаке. Он был одним из тех представителей старой интеллигенции, которые приняли революцию и сделали своей целью службу новому обществу. Возглавив созданную в 1919 г. Академию истории материальной культуры, Н. Я. Марр стремился создать такое научное учреждение, задачей которого должно было быть исследование материальной культуры во всех ее формах, с привлечением к делу исследования всех видов источников. Однако в послереволюционные годы в сфере своей личной научной работы он был далек от археологии как таковой и увлеченно занимался общелингвистическими проблемами. Примерно около 1924 г. у Н. Я. Марра созрела новая концепция теории и истории языка, получившая название «яфетического языкознания» или «нового учения о языке». В этом «учении» археологи и пытались черпать новые идеи. Между тем теория Н. Я. Марра, которая была объявлена М. Н. Покровским и некоторыми другими учеными марксистской, была основана на ошибочных положениях, в общем далеких от марксизма. Некоторые археологи, плохо разбиравшиеся еще в то время в марксизме, путали наспех усвоенные общие понятия исторического материализма с марровскими построениями, в последние годы жизни ученого все больше отходившими от научных фактов. Так, например, совершенно правильный принципиальный взгляд марксистов-историков на то, что исторический процесс протекает по определенным, одинаковым для разных обществ законам и что близкие социальные условия могут отражаться в сходстве материальной культуры, был извращен некоторыми последователями Н. Я. Марра, полагававшими, что принцип единства исторических процессов должен вести к отказу от конкретного исследования местных этнических особенностей и что социальные изменения могут привести к полному исчезновению старых черт материальной культуры. В соответствии с марровским учением о языке, который якобы целиком менялся на соответствующей стадии развития, предполагалось, что так же менялась и материальная культура. Н. Я. Марр писал: «Человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значение слов, но и основы распределения значений и даже их созидания, в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни»¹⁰. А археологи, развивая эту идею, утверждали, что этногенез — это процесс качественной трансформации сменявших друг друга в ходе исторического развития племенных объединений. Появились такие работы, как статья В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья»¹¹ (в которой он утверждал, что киммерийцы в результате стадийного скачка превратились в скифов, скифы таким же путем в готов, готы — в славян), как книга С. Н. Быковского «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы»¹², в которой речь шла о «тотемических производственных группах», якобы предшествовавших возникновению восточных славян. Взгляды Н. Я. Марра, способствовавшие распространению социологизаторского схематизма, в большей или

¹⁰ Н. Я. Марр. Чуваши — яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926, стр. 7.

¹¹ «Готский сборник». «Известия ГАИМК», 1932, т. XII, вып. 1—8.

¹² «Известия ГАИМК», 1931, т. VIII, вып. 8—10.

меньшей степени сказались и в ряде других работ. Изучение конкретной истории отдельных родов и племен подменялось конструированием абстрактных умозрительных стадий, сменяющих друг друга в результате стадильных взрывов. Значительно меньше, чем учение о стадильности, повлияло на археологию другие разделы марровской теории, но все же немало путаницы в интерпретацию археологических фактов вносили ошибочные представления Н. Я. Марра о происхождении речи и мышления, о развитии первобытной религии и искусства и т. п. Социологизаторские тенденции, проявившиеся в советской исторической науке под влиянием М. Н. Покровского, нашли свое отражение в археологии главным образом под влиянием Н. Я. Марра и его последователей. Было бы, однако, неверно утверждать, что идеи М. Н. Покровского проникали в археологию только преломленные марризмом, они влияли на археологию и непосредственно, прямо, так сказать, «в чистом виде». Особенно усилилось абстрактное социологизирование и пренебрежение к фактическим данным с 1929 г., когда к работе в ГАИМК были привлечены историки, не связанные с археологическим материалом и незнакомые со спецификой археологии.

Влияние Н. Я. Марра на развитие советской археологии было значительным, и не следует видеть лишь его отрицательные стороны. Критика Н. Я. Марром старых археологических концепций, поиски новых путей исследования, несмотря на допущенные ошибки, способствовали движению археологической мысли.

«Историзация» археологии, происходившая в 30-е годы, имела огромное значение для дальнейшего развития науки. Социологические выводы и обобщения, основанные на археологических данных, были важны и сами по себе для познания исторических явлений и потому, что помогали утверждению марксистской доктрины о закономерностях исторического процесса. Беда была в том, что часто надуманная и предвзятая социологическая схема заменяла факты, а фактические данные «подтягивались» к такой заранее надуманной схеме.

Субъективизм и антиисторизм был свойствен прежде всего самому Н. Я. Марру. Он требовал от археологов, чтобы они «увязывали» историю материальной культуры с «новым учением о языке» и считал, что археологические исследования только в том случае ценны, если они направлены на подтверждение его «марровской» схемы. Группа последователей Н. Я. Марра во главе с руководителями ГАИМК С. Н. Быковским и Ф. В. Кипарисовым объявила марровское учение единственно марксистским и все отступления от него — глубоко враждебными марксизму. В 1931 г. С. Н. Быковский писал: «Для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснение и убеждение»¹³. Так, в археологии установился режим, навязывавший ученым взгляды Н. Я. Марра, как якобы единственно приемлемые в советской науке.

Следует сказать, что в 1931 г., после появления в печати письма И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» («О некоторых вопросах истории большевизма»), в исторической науке вообще создалась тяжелая обстановка: научные дискуссии подменялись заушательской критикой, предъявлением политических обвинений, «проработками». В этой обстановке трудно было критически рассмотреть взгляды Н. Я. Марра. Но дело было не только в навязывании этих взглядов археологам руководством ГАИМК. В то время у нас проповедывалось еще много псевдомарксистских теорий, одной из которых и был «марризм». Некоторые археологи безусловно искренне верили в то, что пути новой археологии лежат через признание учения Марра.

¹³ С. Н. Быковский. Какне цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? «Сообщения ГАИМК», 1931, № 4/5, стр. 20.

Эти археологи стремились строить свои исследования в соответствии с марксистской методологией, но часто еще не понимали ее основ. В лучшем случае они пытались опираться непосредственно на высказывания Маркса, Энгельса и Ленина, но брали не их методологическую основу с тем, чтобы применить ее к археологии, а пытались прямо использовать эти высказывания, хотя основоположники марксизма никогда археологией не занимались. Появились работы, сплошь состоящие из цитат и их комментирования, иногда приводившие к весьма сомнительным выводам. В этой обстановке поисков истинного пути науки внезапно возник спор о самом праве на существование археологии.

Значительную роль в попытках ликвидации археологии сыграло руководство ГАИМК, которое, исходя из утверждения Н. Я. Марра, что в области идеологии труднее разрушить старое, чем создать новое, стремилось уничтожить не только ошибочные взгляды буржуазных археологов, но и самую археологию как науку. Археологии была противопоставлена «история материальной культуры» — противопоставление не терминологическое, а принципиальное. Считалось, что «история материальной культуры должна иметь предметом изучения историю общественных отношений от их начала вплоть до современности. Приложение в деле исследования памятников выводов нового учения о языке должно содействовать переходу Академии на марксистские установки. Яфетидологический подход обеспечивает правильное марксистское понимание смен культуры»¹⁴. Было принято решение о том, что ГАИМК «должна расширить круг своей исследовательской работы и не только довести его до материальной культуры капитализма, но и включить переходную эпоху и строительство социализма»¹⁵.

Всероссийское археолого-этнографическое совещание в 1932 г. приняло резолюцию, пункт 8 которой гласил: «Существование археологии в качестве самостоятельной науки несовместимо с марксистско-ленинской методологией»¹⁶.

И все же, несмотря на такие категорические высказывания, археология даже в ГАИМК не была уничтожена. Максимальный упор в работе ГАИМК делался на историю техники, археология была отодвинута на задний план, старые кадры археологов были частью разогнаны, частью дезориентированы, а новые не готовились. Но все же в составе ГАИМК оставались преданные науке люди, сохранившие традиции археологических исследований. «Предоставленные самим себе, эти кадры не избежали ошибок и увлечений, но накопили огромный фактический материал и поставили и разрешили ряд первостепенной важности вопросов истории нашей страны»¹⁷. Археологические работы продолжались, а в некоторых областях даже достигли успехов.

Таково было положение в центральном археологическом учреждении страны ГАИМК, где сильнее всего сказались противоречивые явления в развитии археологии. Однако ГАИМК не была единственным археологическим центром. Кроме вышеназванной археологической секции РАНИОН, вокруг которой группировалась значительная часть московских археологов, большую роль в развитии археологии играл этнографический отдел Русского музея, где работали такие видные ученые, как Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Руденко, М. П. Грязнов, Г. П. Сосновский, С. А. Теплоухов; Государственный Исторический музей в Москве, археологической деятельностью которого руководил В. А. Городцов; Антропологический институт при МГУ, где под руководством

¹⁴ «Сообщения ГАИМК», 1931, № 2, передовая статья «Целевые установки и новые задачи ГАИМК».

¹⁵ «Сообщения ГАИМК», 1931, № 6.

¹⁶ «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7/8.

¹⁷ М. И. Артамонов. Достижения советской археологии. «Вестник древней истории», 1939, № 2, стр. 123.

Б. С. Жукова велись археологические исследования и воспитывались кадры ученых (О. Н. Бадер, М. В. Воеводский и др.). Большие археологические исследования велись некоторыми университетами. Среди них в первую очередь назовем Иркутский, где Б. Э. Петри изучал памятники Прибайкалья и других районов Сибири и создал школу, из которой вышли такие советские ученые, как М. М. Герасимов, А. П. Окладников, Г. Ф. Дебеч и др., и Саратовский, где энергичная деятельность П. С. Рыкова объединила археологов, краеведов и этнографов, исследователей Поволжья. Значительный отряд археологов действовал в Средней Азии. Здесь следует отметить М. Е. Массона, ведшего разведки, раскопки, реставрационные работы и проявившего большую инициативу в поисках новых методов археологических исследований.

В 20-е годы в нашей стране возникли новые центры археологических исследований: в УССР — Археологический комитет при Всеукраинской Академии наук и сектор истории материальной культуры в Институте украинской культуры; в Белоруссии — секция археологии при Белорусской Академии наук, в ЗСФСР — секция археологии при Институте кавказоведения АН СССР.

Большинство из названных выше археологических школ имело свое лицо, свое направление работ, и было бы неправильно представлять себе, что все они подчинялись идущим из археологического центра влияниям идей Н. Я. Марра. Точно так же, как история ГАИМК — это еще не история советской археологии, а лишь часть ее, выступления марристов — это лишь часть той идейной борьбы, которая развернулась в процессе создания советской археологии. Это был сложный процесс проникновения марксистских взглядов в археологию и торжества их, процесс, при котором происходил отказ от ошибочных концепций и слияние различных школ в единую школу советских археологов. Одним из ярких показателей этого процесса является судьба биологического направления, унаследованного от досоветской археологии и развивавшегося в 20-е годы в работах главы археологической школы Музея антропологии МГУ Б. С. Жукова. Он переносил биологические закономерности на историю развития созданных человеком вещей, различные их категории приравнивал к биологическим видам и прослеживал «мутации», «гибридизацию», и т. п.¹⁸. В 30-е годы ошибочность этих взглядов становится настолько ясной, что ученики Б. С. Жукова отказываются от них. Однако они сохраняют и вносят в советскую археологию то лучшее, что было в традициях школы Б. С. Жукова, — точность в полевых и камеральных работах, этническую интерпретацию археологических культур и т. д. То же происходило и со взглядами других археологических школ. Под влиянием марксистского мировоззрения археологи отказываются от многих ошибочных положений, но сохраняют и вносят в науку то лучшее, что было в традициях их школы.

Несмотря на ошибки, допущенные в разработке теоретических основ советской археологии в начале 30-х годов, этот этап в развитии науки был очень важным. В то время было много сделано: 1) для разрушения ложных концепций буржуазной науки; 2) для утверждения в археологических исследованиях марксистского взгляда на исторический процесс как закономерный и прогрессивный, на социально-экономические формации как этапы истории человечества, служащие основой для ее периодизации; 3) для сближения археологии с историей, для превращения археологии из вспомогательной дисциплины в самостоятельный раздел исторической науки.

Результатом «историзации» археологии под воздействием новой марксистско-ленинской методики была, в частности, перестройка эк-

¹⁸ Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1929, № 2, стр. 54—74.

спозиции археологических отделов музеев страны с целью показать экономическое и социальное развитие общества. Наряду с научным, это имело большое педагогическое и пропагандистское значение.

Археология в предшествующее время разработала методику добы-
вания и источниковедческого анализа археологических материалов, но методика интерпретации их была не на высоте. Археолог был специа-
листом, хорошо знающим вещи, но не всегда умевшим осмыслить те
общественные явления, которые за ними скрываются. Чтобы не замы-
каться в узкие рамки, чтобы выработать широкий взгляд на историче-
ские явления, археолог должен был привлечь данные этнографии,
лингвистики, антропологии, должен был опираться и на письменные
источники и на данные естественных наук. Комплексный метод изучения
предполагал не только расширение кругозора ученого-археолога, но и
объединение специалистов различных отраслей знания. Однако самым
главным было то, что основные кадры археологов превратились в исто-
риков с археологической специализацией.

Широко развернулись экспедиционные работы советских археологов.
Выше уже было сказано, что они не прекращались даже в годы граж-
данской войны и послевоенной разрухи. Их количество непрерывно воз-
растало, и в период до 1934 г. был сделан ряд крупнейших открытий¹⁹.

С началом развернутого социалистического строительства появилась
особая сфера деятельности советских археологов — работы на ново-
стройках, сплошное археологическое обследование больших районов.
Госплан СССР обязал все строительные и изыскательно-проектировоч-
ные организации выделить необходимые средства и всячески содейство-
вать производству археологических работ в зоне строительства. Ука-
занные организации в большинстве случаев проявили действительную
заботу об археологических памятниках и оказали помощь в их иссле-
довании. (Значительную роль в организации новостроечных экспеди-
ций ГАИМК сыграл Б. А. Латынин.) Среди наиболее крупных ново-
строечных экспедиций следует отметить экспедицию, работавшую на
территории строительства Днепротэса в 1926—1933 гг., открывшую и
исследовавшую множество поселений и могильников эпохи неолита
и бронзы и позднейших эпох; Камскую (Средне-Волгострой), обследо-
вавшую, в связи со строительством Пермской ГЭС, долины рек Камы
и Чусовой. Экспедиция работала в 1932—1937 гг. сначала под руко-
водством А. В. Шмидта, потом Н. А. Прокошева и открыла памятники
от эпохи неолита до XI—XIII вв. н. э. Москва-Волгостройская экспеди-
ция, работавшая с 1932 по 1934 г. под руководством О. Н. Бадера,
провела разведки и раскопки на трассе канала Волга — Москва и
открыла памятники эпохи неолита, фатьяновской культуры, дьяковской
культуры, славянские. Средневолгостройская экспедиция, работавшая
в 1933—1935 гг. под руководством П. Н. Третьякова, произвела развед-
ки и раскопки памятников от эпохи мезолита до Древней Руси в зоне
строительства Ярославской ГЭС. В связи со строительством московского
метрополитена в 1933—1936 гг. работала бригада археологов во главе
с А. В. Арциховским и Т. С. Пассек, исследовавшая культурный слой
Москвы. Были открыты деревянные жилища, изучены укрепления Бе-
лого и Земляного городов, стены и башни Китай-города, древние гид-
ротехнические сооружения. Найдена керамика, оружие и орудия труда,
остатки одежды, памятники эпиграфики и пр. Кроме названных выше,
работало еще 12 новостроечных экспедиций²⁰.

¹⁹ Подробно об открытиях советских археологов см. в книге А. Л. Монгайта «Археология в СССР», М., 1955.

²⁰ «Археологические работы на новостройках в 1932/33 г.», вып. I, «Известия ГАИМК», вып. 109, М.—Л., 1935; вып. II, «Известия ГАИМК», вып. 110, М.—Л., 1935; «По трассе первой очереди московского метрополитена», Л., 1936.

Значительная раскопачная деятельность советских археологов до 1934 г. не была в достаточной степени отражена в научных публикациях. Сначала причиной был недостаток бумаги и отставание полиграфии, после 1931 г. публикации результатов раскопок были отодвинуты на задний план в связи с изменившимся направлением работ археологических учреждений.

Много внимания в печати уделялось критике буржуазных концепций и дискуссиям в целях поисков новых путей развития науки. Книг, обобщающих итоги исследований, было немного. К созданию трудов, дающих широкую историческую картину на основании археологических данных, приступать не решались. Впрочем, такой труд был опубликован, но он принадлежал перу историка, а не археолога, и скорее подводил итог развития науки в первой четверти XX в., чем отражал положение в советской археологии. Это две книги Ю. В. Готье «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы» (М., 1925) и «Железный век в Восточной Европе» (М., 1930). Значение этих книг, в особенности второй, было велико потому, что это был один из первых опытов построения истории Восточной Европы на основе параллельного изучения общен исторических и археологических источников. Объединение истории и археологии в трудах Ю. В. Готье ярко продемонстрировало открывающиеся перед историками перспективы в исследовании прошлого нашей страны, не освещенного письменными источниками.

Большими трудами, подводящими итоги исследований, были изданные в 20-е годы книга М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», характеристика которой дана ниже, и книга В. А. Городцова «Археология. Т. I — Каменный период» (М.—Л., 1923—1925), содержащая ряд теоретических выводов, не потерявших значения и поныне.

Одним из важнейших результатов деятельности археологов периода развития науки до 1934 г. является создание региональных схем классификаций и периодизаций археологических памятников. Такая схема была разработана С. А. Теплоуховым для Южной Сибири, Б. Э. Петри — для Восточной Сибири, А. В. Шмидтом — для Приуралья, П. Н. Третьяковым — для Верхнего Поволжья, П. С. Рыковым — для Нижнего Поволжья, М. В. Воеводским — для мезолитических памятников Восточной Европы, Г. А. Бонч-Осмоловским — для палеолита Крыма, С. Н. Замятинным — для палеолита Кавказа, П. П. Ефименко — для палеолита Восточно-Европейской равнины, Г. П. Сосновским — для палеолита Сибири. Эти классификации стали основой дальнейшего изучения групп памятников как определенных исторических категорий.

Больших успехов добились советские археологи в исследовании памятников палеолита. Было зарегистрировано свыше 100 новых палеолитических местонахождений. Сам факт открытия такого большого количества новых памятников имел важное значение, так как вследствие случайного характера археологических исследований в досоветское время и отсутствия систематических поисков памятников палеолитического возраста создавалось ошибочное представление о слабой заселенности нашей страны в это время, из чего делался также ошибочный вывод об отсутствии здесь условий для существования первобытных групп человечества. В советское время был изучен ряд палеолитических памятников в Крыму. Г. А. Бонч-Осмоловский в 1924—1926 гг. произвел раскопки в пещере Киик-Коба, где были открыты слои ашельского и мустьерского времени и впервые в СССР — неандертальские погребения²¹.

²¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», вып. V, 1934, стр. 114—184; Его же. Гро: Киик-Коба, М.—Л., 1950. Палеолитическое поселение на открытом воздухе — стоянка Ильская (близ Краснодара) раскапывалась в 1925—1928 гг. С. Н. Замятинным, в 1936—1937 гг. В. А. Городцовым. Стоянка Афонтова Гора (близ Красноярска) была

Одним из самых выдающихся открытий советских ученых является открытие палеолитических жилищ. Большая заслуга в этом принадлежит С. Н. Замятнину, открывшему в 1927 г. землянку на стоянке Гагаринской на Верхнем Дону²², и В. А. Городцову, поставившему задачу поисков палеолитических землянок и одним из первых открывшему такие землянки на Тимоновской стоянке близ Брянска (раскопки 1928—1933 гг.)²³. Открытие палеолитических жилищ было принципиально важным успехом, обеспеченным новой методикой раскопок. Пока ученые интересовались только слоями и находками, они делали преимущественно вертикальные разрезы памятников. Эта методика не обеспечивала возможность полностью понять памятник. Достаточно было применить к исследованиям палеолитических местонахождений практику изучения их не только в разрезе, но и в плане и производить вскрытие большими площадями, чтобы получить представление об изменении характера поселений и жилищ.

Из открытия жилищ и исследования поселений следовали важные для реконструкции этапов развития первобытного общества выводы о сложении в верхнем палеолите на огромных пространствах Европы и Азии нового, оседлого уклада зимней жизни и развитых форм общинного быта. Превосходные образцы искусства верхнего палеолита, обнаруженные в Костенках, Гагарине, Мезине, Мальте и на других палеолитических поселениях СССР, в том числе многочисленные женские статуэтки, позволили близко подойти к раскрытию черт духовной жизни древнего человека. Исследования П. П. Ефименко выяснили связь образа женщины в искусстве палеолита с материнским родом и культом плодородия, а работы С. Н. Замятина — связь этого образа с охотничьей магией. Важным элементом в новой методике исследований был повышенный интерес археологов к этнографическому материалу, позволявшему понять многие явления в истории первобытного общества на основе сопоставления вещественных исторических источников с пережиточными явлениями в жизни современных племен и народов.

Советские ученые своими открытиями не только далеко продвинули вперед изучение палеолита, но и в известной степени произвели переворот в изучении общественного строя, хозяйства и идеологии этой эпохи. Переворот произошел потому, что исследования советских археологов, специалистов по эпохе палеолита, были проникнуты историзмом, строились на основе марксизма, исследователи с особым вниманием относились к трудовой деятельности древнего человека, к производительным силам и производственным отношениям древних обществ.

Важнейшим итогом исследования палеолита был выход в свет в 1934 г. первого марксистского труда по палеолиту, книги главы советской школы исследователей палеолита П. П. Ефименко «Дородовое общество» (в последующих изданиях «Первобытное общество»), в которой на основании сводки огромного археологического материала, отечественного и зарубежного, были показаны первые шаги возникновения

изучена Г. П. Сосновским, Н. К. Ауербахом и В. И. Громовым в 1923—1924 гг., в результате чего было обнаружено своеобразие сибирского палеолита. В 1923—1926 гг. П. П. Ефименко были начаты исследования замечательного комплекса палеолитических местонахождений в районе Костенки — Боршево (близ Воронежа). Г. К. Ниорадзе в 1926 г. открыл ориньякскую пещерную стоянку в Девис — Хврели и выступил с рядом ценных исследований по палеолиту Грузии.

²² С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина. Сб. «Палеолит СССР», «Известия ГАИМК», вып. 118, М.—Л., 1935, стр. 26—27; S. Zamyatnine. Gagarino, М.—Л., 1934.

²³ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР», вып. 3, 1935; См. также П. П. Ефименко. Костенки I, М.—Л., 1958; М. М. Герасимов. Мальта. Палеолитическая стоянка, Иркутск, 1931; Его же. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Сб. «Палеолит СССР», 1935, стр. 78—124.

человеческого общества, постепенное медленное развитие его производительных сил и форм первичной организации.

Несмотря на большие успехи в изучении палеолита, в этой области археологической науки также сказались те общие недостатки в развитии археологии в эти годы, которые были отмечены выше. Исследователи палеолита в ряде случаев сбивались на путь беспочвенного социологизаторства и примитивного экономического материализма. Критикуя в позднейшее время свои ранние работы, они сами отмечали, что подверглись влиянию махизма и богдановских концепций, что не критически восприняли взгляды таких буржуазных ученых, как Г. Кунов и А. Леви-Брюль²⁴. Но главным было, конечно, влияние стадильно-автохтонистских взглядов Н. Я. Марра и следование старым упрощенно-эволюционистским схемам. Лишь последующие открытия, в частности — открытие многослойных памятников и изучение своеобразия различных культурно-исторических областей, наряду с общей критикой ошибочных теоретических взглядов, помогли изжить недостатки в изучении палеолита.

В исследовании эпохи неолита, которая была в досоветское время одной из наиболее слабо изученных в русской археологии, также был сделан ряд важных открытий. Однако их количество еще было недостаточным, чтобы приступить к таким важным обобщениям, какие были сделаны в области изучения палеолита. Даже один из начальных этапов обобщения археологических данных — группировка памятников по культурам — был достигнут лишь в отдельных редких случаях, чаще же всего, если речь шла о культуре, то она выделялась по отдельным памятникам и рассматривалась как этап эволюционного развития. К числу важных памятников эпохи неолита относится раскопанная в 1922—1923 гг. Б. С. Жуковым и Б. А. Куфтиным Льяловская стоянка на р. Клязьме (в 40 км к северу от Москвы) III тысячелетия до н. э.²⁵ Этот один из наиболее архаичных неолитических памятников Восточной Европы послужил эталоном для выделения особой Льяловской культуры. В бассейне р. Оки экспедицией Антропологического института при МГУ под руководством Б. С. Жукова (с участием О. Н. Бадера, М. В. Воеводского и др.) был открыт ряд памятников эпохи неолита и дана их первичная классификация. К неолиту и бронзовому веку относятся открытия, сделанные на Горбуновском торфянике близ Нижнего Тагила (раскопки Л. Н. Эдинга, 1926—1939 гг.). Они дали изумительные образцы древнего искусства, резьбы по дереву и обширные бытовые материалы, характеризующие жизнь населения Среднего Урала начиная с III тысячелетия до н. э. Было исследовано несколько неолитических могильников, в том числе производились исследования неолитических памятников на севере Европейской части СССР и поиски в Белоруссии. Продолжались работы по изучению трипольской культуры на Украине, было положено начало исследованию позднего ее варианта.

Изучение эпохи бронзы достигло значительных успехов еще в досоветское время. Были не только накоплены, но и в значительной степени классифицированы большие материалы, в чем сыграли важнейшую роль работы А. А. Спицына и В. А. Городцова. Исследования памятников эпохи бронзы в 20—30-х годах приводят к освещению огромных ранее неизученных территорий, например, Сибири, Поволжья и к перестройке представлений о развитии культуры в эту эпоху. Исследования С. А. Теплоухова на Енисее дали обширные материалы, позволившие выделить

²⁴ П. И. Борисковский, А. П. Окладников. О преодолении вульгаризаторских псевдомарксистских концепций Н. Я. Марра в изучении ранних этапов развития первобытного общинного строя. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 70—93; А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР. «Советская археология» (далее: «СА»), 1957, № 4, стр. 12—27.

²⁵ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова Московского уезда. «Труды Антропологического ин-та». Приложение к «Русскому антропологическому журналу», т. XIV, вып. 1—2, М., 1925.

три важнейшие культуры бронзового века Саяно-Алтая — афанасьевскую, андроновскую и карасукскую. Этим было положено начало систематизации древностей Северной Азии²⁶. В изучении памятников бронзового века Урала и Прикамья значительны заслуги А. В. Шмидта, произведшего раскопки Турбинского могильника, Левшинской стоянки и Конецгорского селища. Им дана классификация культур Приуралья и высказан ряд предположений о соответствии отдельных культурных провинций отдельным народностям. Большое внимание он обратил на вопросы производства, хозяйства изучаемых племен и на культурные связи Прикамья с другими странами²⁷. Несмотря на некоторый социологический схематизм, работы А. В. Шмидта были основаны на конкретном, хорошо изученном им материале и не потеряли своего значения.

В 20-е годы советскими археологами была открыта абашевская культура бронзового века (II тыс. до н. э.), распространенная в лесостепном Поволжье и Приуралье. Большие работы по изучению памятников эпохи бронзы и позднейших эпох велись в 1921—1935 гг. в Нижнем Поволжье и Уральской области П. С. Рыковым. Особо следует отметить раскопки больших курганов (II тыс. д. н. э.) в урочище «Три брата» (близ г. Элисты, Калмыцкая АССР). Необычайно пышный ритуал и захоронение в курганах рабов и женщин свидетельствуют о социальном разложении общества.

В связи с особым интересом к проблемам историко-хозяйственного и социального развития древних обществ большое внимание было обращено на изучение поселений, сохраняющих важнейшие данные о хозяйственной структуре общества. В частности, в области изучения бронзового века такие данные были получены при исследовании андроновских поселений в Южном Зауралье и одного из самых замечательных поселений этой культуры — Алексеевского на Тоболе (раскопки О. А. Граковой, 1930—1939 гг.) и поселения срубной культуры у хут. Ляпичева на Дону (раскопки М. И. Артамонова, 1932 г.). В результате этих исследований установилось представление об оседло-земледельческом хозяйстве и быте в эпоху бронзы. Ранее степное население этого времени считалось кочевым.

Попытка обобщить результаты исследования памятников эпохи бронзы на юге Европейской части СССР была сделана А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким в книге «Родовое общество степей Восточной Европы»²⁸. Эта книга вышла в 1935 г., но по своему характеру целиком относится к тому периоду развития советской археологии, который заканчивается в 1934 г. Книга Круглова и Подгаецкого является попыткой построить на археологическом материале исторический очерк — в этом ее несомненное достоинство и значение для науки. Авторы старались сделать на основе большого количества верных наблюдений выводы о хозяйстве и общественных отношениях племен бронзового века. Однако влияние господствовавшего в то время в науке стадийного схематизма сказалось в том, что авторы рассматривали различные археологические культуры только на основании принадлежности их к одному и тому же уровню развития общества, как нечто целое, а смену культур — как смену хозяйственных режимов.

Изучение скифо-сарматской археологии, начавшееся в России еще в середине XVIII в. (раскопки Литого кургана, 1763 г.), достигло в дореволюционное время больших успехов. Итог этих исследований был подведен в труде М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», изданном

²⁶ С. А. Теплоухов Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927.

²⁷ А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. «Известия ГАИМК», вып. 106, 1935, стр. 13—96.

²⁸ «Известия ГАИМК», вып. 119, Л., 1935.

ГАИМК в 1925 г. Труды Ростовцева представляли замечательный пример объединения данных письменных и археологических источников для создания единой и стройной картины материальной и духовной жизни Северного Причерноморья. Однако в исторической концепции Ростовцева, выведившего важнейшие культурные явления из столкновения двух этнокультурных начал — восточного или иранского и эллинского — и приписывавшего руководящее значение в социально-экономической жизни варварского населения восточным «феодальным» формам, были слабые стороны, неприемлемые для советской науки. Он недоучитывал значение исконного местного этнокультурного элемента Северного Причерноморья и ошибочно полагал, что у скифов был феодальный строй. Эта концепция подвергалась критике со стороны советских археологов. С. А. Семенов-Зусер писал о родовом строе скифского общества²⁹, В. И. Равдоникас и М. И. Артамонов видели в нем элементы перехода к рабовладению, а А. П. Смирнов признавал наличие у скифов рабовладельческого строя³⁰. Дискуссия на этом этапе не привела к окончательному решению вопроса, но теории Ростовцева, считавшего скифское общество феодальной державой, был нанесен удар.

В советское время в значительной степени изменилось направление археологических работ: вместо больших — «царских» курганов археологи занялись исследованием городищ и малых рядовых курганов, раньше почти не привлекавших внимания. Начиная с середины 20-х годов были обследованы городища Харьковщины, Полтавщины и Крыма, но сколько-нибудь серьезных раскопок на скифских городищах проведено не было. Десятки небольших скифских курганов были раскопаны на Днепрострое и в окрестностях Никополя и сотни сарматских — в Нижнем Поволжье (П. С. Рыков, П. Д. Рау и Б. Н. Граков). Экспедиция под руководством А. А. Миллера в 1923—1930 гг. и 1932—1933 гг. изучала культуру кубанских сарматов и городища скифо-сарматского времени в районах Нижнего Дона³¹.

В Европейской части СССР, в особенности в Волго-Окском междуречье, проводилось исследование чрезвычайно распространенных и важных для истории лесной полосы дьяковских городищ раннего железного века. Для понимания характера поселений на дьяковских городищах, в частности для опровержения ранее распространенного мнения о них как о культовых местах имели большое значение раскопки В. А. Городцовым Старшего Каширского городища в 1925—1926 гг.³². В результате работ советских археологов П. Н. Третьяковым была произведена хронологическая классификация городищ и выделены локальные группы. Работа П. Н. Третьякова «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья», подобно книге Круглова и Подгаецкого, — попытка построить на археологическом материале исторический очерк. Это новое направление в исследованиях советских археологов имело большое значение для развития науки и произвело впечатление за рубежом как важное выступление советской археологической школы³³.

²⁹ С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов Геродота. «Известия ГАИМК», т. IX, вып. 1, Л., 1931.

³⁰ А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1934.

³¹ К эпохе раннего железного века относятся раскопки Ноин-Улинских курганов в Монголии (экспедиция под руководством П. К. Козлова, 1924—1925 гг.), оставленных знатью хунну (гуннов) около начала н. э., первого кургана в урочище Пазырык на Алтае (С. И. Руденко, 1929 г.), давшего изумительную коллекцию художественных изделий и бытовых предметов, характеризующих культуру населения горного Алтая в последних веках до н. э. и большого кургана в местности «Шибе», по р. Урсулу (М. П. Грязнов, 1927 г.). Изучались культуры скифо-сарматского времени в южной Сибири.

³² В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. «Известия ГАИМК», вып. 85, 1934.

³³ П. Н. Третьяков. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. «Известия ГАИМК», вып. 106, Л., 1934. Видный английский археолог Г. Чайлд в пре-

Много внимания было уделено изучению прошлого народов Поволжья. Большое значение для истории племен Западного Поволжья имела работа П. П. Ефименко о рязано-окских могильниках³⁴. Это был один из первых опытов применения метода культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа.

В области изучения античных городов Северного Причерноморья прежде всего следует отметить продолжение работ дореволюционного времени в Ольвии, проводившееся Б. В. Фармаковским в 1924—1926 гг. и М. Ф. Болтенко, И. И. Мещаниновым и Л. М. Славиним в последующие годы. Б. В. Фармаковский был не только перворазрядным исследователем, но и прекрасным организатором коллективной научной работы. Ольвия стала образцовой школой молодой советской античной археологии.

К. Э. Гриневич и Г. Д. Белов вели работу в Херсонесе. В 1931 г. тут начаты были раскопки большими площадями, впервые давшие цельную картину экономики и быта средневекового Херсонеса. А. С. Башкиров (в 1926—1927 гг.) работал на Таманском полуострове, Ю. Ю. Марти — на Керченском полуострове. Здесь в 1932—1934 гг. были начаты раскопки Тиритаки и Мирмикия, положившие основание изучению малых боспорских городов. В Хараксе (Ай-Тодоре) В. Д. Блаватским в 1931—1932 и 1935 гг. произведены обследования римской крепости I—III вв. н. э. и раскопки могильника III—IV вв. н. э.

Значительные работы проводились по изучению античной нумизматики (А. В. Орешников, А. Н. Зограф) и керамической эпиграфики (Б. Н. Граков). Велись работы по изучению средневековья в Северном Причерноморье. В 1928—1935 гг. Н. И. Репников и Ф. И. Шмидт вели исследования на плато Эски — Кермен и в его округе. Это были первые работы по изучению большого горного средневекового поселения.

В 1926 г. в Керчи (в связи со столетием Керченского музея) и в 1927 г. в Херсонесе (в связи со столетием херсонесских раскопок) состоялись конференции археологов СССР, с участием видных ученых нашей страны и молодых археологов. Конференции способствовали значительному оживлению археологических исследований на юге СССР.

Ко времени Октябрьской революции Средняя Азия, страна высокой и древней культуры, была в археологическом отношении одной из наименее изученных областей. Для производства ремонтно-реставрационных работ в 1921 г. был организован «Комитет при Наркомпросе Туркестанской республики по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы» (Туркомстарис, с 1925 г. Средазкомстарис), сыгравший большую роль в деле археологического изучения Средней Азии. Направление археологических работ в значительной мере определялось научными интересами историков Средней Азии, возглавлявшихся выдающимся русским востоковедом В. В. Бартольдом. Они занимались главным образом феодальным периодом, классическим средневековьем — начиная от эпохи арабского завоевания до узбекского завоевания. В археологическом изучении Средней Азии в 20-х и начале 30-х годов также преобладала тематика средневекового города и средневековой архитек-

дисловию к своей книге «Шотландия до шотландцев» писал: «Наши советские коллеги... показали, как внутреннее развитие обществ может объяснить обширную область археологических фактов. Применение ими марксизма к доистории породило исследования, которые кажутся более историческими, чем перечни вторжений, и солидно обоснованы наблюдениями. Поэтому, когда Общество антиквариев пригласило меня прочесть лекции имени Райнда за 1944 г., посвятив их шотландской доистории, я решил применить к ней метод, так успешно примененный Е. Ю. Кричевским, А. П. Кругловым, Г. В. Подгаечким, П. Н. Третьяковым и другими марксистами к русской доистории». V. G. Child. *Scotland before the Scots*, London, 1946, p. 6.

³⁴ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. «Материалы по этнографии», т. III, вып. I, 1926; Е го же. К истории племен Зап. Поволжья в I тысячелетии н. э. «СА», т. II, 1937.

туры, домусульманские древности почти не изучались. Главным достижением было изучение исторической топографии, открытие большого количества городищ и архитектурных памятников. А. Ю. Якубовский изучал городища Шахрисябз, Сыгнак, Узгент (1926—1927 гг.), Куня-Ургенч и Миздахкан (1928—1929 гг.). В связи с работами в Ургенче был решен важный вопрос о влиянии Хорезма на материальную культуру и искусство в эпоху Золотой Орды³⁵. В 1930—1938 гг. экспедиция под руководством М. Е. Массона изучала развалины Старого Термеза и городище Айртам. Большие работы по изучению памятников Самарканда и особенно городища Афрасиаб вел В. Л. Вяткин (1925—1931 гг.). В 1933 г. было сделано случайное открытие, имевшее большое значение для науки. На горе Муг в верховьях Зеравшана был найден согдийский замок VIII в. с архивом древних документов³⁶.

К 1933 г. относится начало дискуссии о рабовладельческом периоде в истории Средней Азии. С. П. Толстов выступил с концепцией, согласно которой период в истории Средней Азии с середины первого тысячелетия до н. э. и до арабского завоевания был периодом рабовладельческих отношений³⁷. В то время эта точка зрения не могла быть в достаточной степени аргументирована вследствие недостатка исходных данных. Однако последовавшее вскоре развертывание работ по исследованию памятников доисламского периода содействовало накоплению материала, подтвердившего гипотезу С. П. Толстова.

Исследования в области славяно-русской археологии не достигли необходимого размаха, но все же были отмечены рядом важных открытий. В 1928—1929 гг. П. П. Ефименко раскопал курганы и городища VIII—X вв. на Дону близ Воронежа, весьма важные в том отношении, что они давали картину жизни восточнославянского племени накануне возникновения государства³⁸. В Белоруссии экспедицией под руководством А. Н. Лявданского начиная с 1926 г. были выявлены и нанесены на карту сотни городищ и курганов и на многих из них произведены раскопки. Курганные древности, находящиеся в музеях и вновь добытые, были исследованы в ряде работ, из которых важнейшими являются «Курганы вятичей» А. В. Арциховского (М., 1930), «Радимичи» Б. А. Рыбакова, «Костромские курганы» П. Н. Третьякова и работа В. И. Равдоникаса о курганах Приладожья³⁹.

Эти исследования неодинаковы по характеру — так, в одном много внимания обращено на классификацию и датировку материалов (в этом отношении образцовой является работа А. В. Арциховского), в другом — на выявление комплексов, характеризующих данное племя (работа Б. А. Рыбакова), в третьем — на публикацию раскопочных материалов (работа В. И. Равдоникаса). Но все эти работы объединяет одна общая, весьма важная черта — попытка подойти к археологическому материалу как к источнику для реконструкции исторической жизни общества, дать описание экономики и общественных отношений в деревне, определить племенные территории.

Как ни мало было сделано археологами в это время в области славяно-русской археологии, именно их материалы послужили важнейшим аргументом в решении вопроса о возникновении феодализма на Руси.

³⁵ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. «Известия ГАИМК», 1931, VII, вып. 2—3; Е го же. Столица Золотой Орды — Сарай Берке, Л., 1932.

³⁶ «Согдийский сборник», Л., 1934.

³⁷ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934.

³⁸ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, М.—Л., 1948.

³⁹ Б. А. Рыбаков. Радимичи. «Працы Археал. камісіі Акад. навук БССР», т. III, Минск, 1932; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. «Известия ГАИМК», т. X, вып. 6—7, Л., 1931; В. И. Равдоникас. Die Normannen Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930.

Зимой 1932 г. в ГАИМК на дискуссии о рабстве и феодализме в древней Руси выступил Б. Д. Греков. На основании археологического материала Б. Д. Греков показал, что до так называемого «призвания варягов» восточное славянство прошло длительный путь развития, что основным занятием его были не охота и промыслы, а земледелие, что в IX—X вв. с победой пашенного земледелия на Руси сложились материальные предпосылки феодальных отношений. Среди других данных в своих выводах Б. Д. Греков опирался на работу П. Н. Третьякова «Подсечное земледелие в Восточной Европе»⁴⁰. Так первые же успехи советских археологов способствовали правильному решению важной исторической проблемы. Археологи продолжали работать в этой области, и в 1934 г. А. В. Арциховский выступил с важной в методическом отношении и по своим выводам статьей «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях»⁴¹, убедительно показавшей, что без раскопочных древностей невозможно решать проблему возникновения русского феодализма. Той же теме, но на ином материале посвятил свою статью В. И. Равдоникас⁴².

Раскопки древнерусских городов только начинались. В 1926 г. В. А. Городцов провел разведочные раскопки Старой Рязани. С 1932 г. начал раскопки Новгорода А. В. Арциховский (с 1929 г. Новгородская экспедиция исследовала древности в окрестностях города). Интересные материалы для истории Москвы были собраны на строительстве метрополитена. Раскопки Д. Н. Эдингом Сарского городища (1924—1925 гг.) выявили древние жилища, ремесленные мастерские и дали убедительные материалы, свидетельствующие о превращении в X в. мерянского поселения в древнерусский город⁴³. Замечательный археологический памятник — остатки небольшого городка-крепости XI—XIII в. — Райковецкое городище близ г. Бердичева был раскопан в 1929—1935 гг. Ф. Н. Молчановским. Здесь впервые была раскрыта вся территория древнерусского города домонгольского времени и картина его гибели во время татаро-монгольского нашествия⁴⁴.

В целом материалов по древнерусским городам было собрано еще мало, методика раскопок разрабатывалась, и успехи в исследовании городов, ремесла и культуры относятся уже к последующему времени.

Плодотворно разрабатывался нумизматический материал. Работы А. А. Ильина, Н. П. Бауэра, А. В. Орешникова значительно продвинули вопросы классификации и атрибуции древнерусских монет и вопросы истории древнерусского денежного обращения. Замечательные работы по русской сфрагистике велись Н. П. Лихачевым⁴⁵.

Краткий очерк проделанной археологами работы показывает, что на первых порах развития советской археологии различные ее отрасли развивались неравномерно: в отношении одних можно говорить лишь о накоплении материалов, в других уже были поставлены и разрешены важные исторические проблемы. Это был период поисков методики исследования, период творческих дискуссий, период рождения новых идей, многие из которых нашли себе подтверждение лишь в последующее время.

⁴⁰ «Известия ГАИМК», т. 14, вып. 1, Л., 1932.

⁴¹ «Проблемы истории докапиталистического общества», 1934, № 11—12, стр. 35—60.

⁴² В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. «Известия ГАИМК», вып. 94, М.—Л., 1934.

⁴³ Д. Н. Эдинг. Сарское городище, Ростов, 1928.

⁴⁴ К сожалению, материалы этих раскопок были опубликованы со значительным опозданием. См. В. К. Гончаров. Райковецкое городище, Киев, 1950.

⁴⁵ А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода, Л., 1924; Его же. Топография кладов серебряных и золотых слитков, Пг., 1921; А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси, М., 1936; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928; вып. II, Л., 1929.